

НАРРАТИВ ТРАВМЫ В МЕДИАДИСКУРСЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. Г. Ханова

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
пр. Вернадского, 82, 119571, г. Москва, Россия,
khanova@yandex.ru*

В статье представлено теоретико-методологическое обоснование исследования нарратива травмы в СМИ русского зарубежья первой волны эмиграции, который без труда обнаруживается в дискурсе национальной идентичности зарубежной России. Современные научные исследования, посвященные изучению национальной, исторической, культурной травмы и ее влиянию на конструирование национальной идентичности, могут способствовать более глубокому пониманию механизма национальной идентификации русской эмиграции начала прошлого века, отраженной в русскоязычном зарубежном медиадискурсе данного периода.

Ключевые слова: нарратив травмы; дискурс национальной идентичности; русское зарубежье.

NARRATIVE OF TRAUMA IN THE MEDIA DISCOURSE OF THE NATIONAL IDENTITY OF THE RUSSIAN ABROAD: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

A. G. Khanova

*The Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation,
82, Vernadsky Ave., 119571, Moscow, Russia
Corresponding author: A. G. Khanova (khanova@yandex.ru)*

The article presents a theoretical and methodological substantiation of the study of the trauma narrative in the media of the Russian abroad during the first wave of emigration, which is easily found in the discourse of the national identity of foreign Russia. Modern scientific research devoted to the study of national,

historical, cultural trauma and its influence on the construction of national identity can contribute to a deeper understanding of the mechanism of national identification of Russian emigration at the beginning of the last century, reflected in the Russian-language foreign media discourse of this period.

Key words: trauma narrative; discourse of national identity; Russian abroad.

Во время первой волны русской эмиграции (именно этот период в историографии получил название «русского зарубежья») многочисленные русскоязычные газеты и журналы за рубежом, каких бы общественно-политических, социально-экономических, религиозных взглядов они ни придерживались, демонстрировали негативный опыт личной и национальной катастрофы, полученный вследствие свершения Октябрьской революции 1917 года и последовавших после нее событий. Представители эмиграции с самого начала своего вынужденного пребывания вдали от Родины в странах пребывания русскоязычных СМИ отражали нарратив травмы.

Обратимся к методологическому обоснованию исследования нарратива травмы применительно к дискурсу национальной идентичности русского зарубежья. Значению травматического коллективного опыта в рамках «мемориальной парадигмы» (междисциплинарных исследований коллективной памяти, получивших общее определение «memory studies») посвящены многочисленные научные исследования рубежа XX–XXI веков. Ученые обращают внимание на колоссальное влияние травмирующих событий на общественное сознание: «Травма, связанная с ужасной катастрофой, оставляет глубокий шрам в сознании общества, ее трудно забыть, причем, чем тяжелее травма, тем больше воспоминация о прошлом влияют на восприятие настоящего» [6, с. 7].

Артур Нил в работе «Национальная травма и коллективная память» вводит понятие национальной травмы, которая, аккумулируя травматический опыт отдельных людей в рамках одного социально значимого события, находит отражение в коллективной памяти. Национальные травмы, по Нилу, являются откликом на события радикального характера, которые произошли в течение короткого времени и привели к масштабным потрясениям.

Поскольку речь идет о значимых изменениях, оказывающих заметное влияние на сознание членов сообщества, ученые предполагают, что травматический опыт приводит к трансформации идентичности – как индивидуальной, так и национальной. Профессор социологии Йельско-

го университета Рон Айерман в работе «Социальная теория и травма» отмечает: «Индивидуальная и коллективная травмы могут рассматриваться как усиливающие одна другую, обостряющие шок и чувство потери. Во время экономических кризисов или войны личная потеря у одного человека тесно связана с потерями у других людей. Кумулятивный эффект только углубляет травму, в результате чего чувство принадлежности к сообществу, коллективная, как и индивидуальная, идентичность расшатываются» [2, с. 124]. Коллега Р. Айермана, профессор Йельского университета, социолог Джеффри Александер поясняет: травма возникает, когда «когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность». [3, с. 6]. В результате травматического опыта коллективная идентичность подвергается существенному пересмотру и реконструируется: «Пересмотр идентичности означает, что будет иметь место пытлиное повторное воспоминание коллективного прошлого, ведь память не только социальна и обладает текучестью, она еще и глубинно связана с ощущением «Я» в настоящем» [3, с. 32]. Идентичности, таким образом, находятся в процессе постоянного конструирования и реформирования при обращении к опыту травмирующего прошлого.

Важно также, согласно Александеру, обратить внимание на необходимость создания нарратива травмы и установления личности «злодея»: «Кто, собственно, нанес рану жертве? Кто вызвал травму? Это всегда вопрос конструирования символов и социального конструирования» [3, с. 23]. О смыслах и значениях, которые рождаются при концептуализации нарратива в дискурсе национальной идентичности, говорит и российский исследователь, историк Лорина Репина: «Национальная идентичность исторична, нация, по сути, тождественна истории нации, т. е. нарративам национальной истории. Прошлое народа или нации не сводится лишь к совокупности «фактов» или даже к сцепляющим их «объективным» связям: в нем прежде всего раскрывается смысл исторического существования, воплощается система ценностей» [5, с. 16]. Раскрытию же смыслов и формированию системы ценностей в рамках травматического опыта способствует выход символических представлений в дискурсивное поле: «Событие, которое не нашло символического выражения в языке, которое не стало дискурсом или нарративом не

может рассматриваться как культурная травма» [4, с. 42]. Этот же тезис находим у упомянутого ранее Артура Нила: «Национальная травма должна быть понята, объяснена и непротиворечиво подана в публичном обсуждении и дискурсе. Поэтому ее представление в массмедиа играет решающую роль» [1].

Перечисленные теоретико-методологические подходы легко применить к исследованию нарратива травмы в дискурсе национальной идентичности русского зарубежья. Поскольку в данном случае речь идет о коллективной травме значительной части сообщества, полученной в результате радикального для общественного сознания события (Октябрьской революции 1917 года), и которая, в свою очередь, способствовала актуализации идентификационных процессов и репрезентации национальной идентичности русских эмигрантов в массмедиа – многочисленных русскоязычных газетах и журналах 20–30 гг. XX столетия.

Библиографические ссылки

1. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // НЛО 2016. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2016/5/kulturnaya-travma-i-kollektivnaya-pamyat.html> (дата обращения: 25.08.2022).
2. Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. Т. 12. №1. 2013. С. 121–138.
3. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–36.
4. Бродский А. И. Креативное вытеснение (К методологии изучения культурных травм) // Философия и культура. 2018. № 8. С. 40–50.
5. Репина Л. П. Память и знание о событиях прошлого в историческом сознании и нарративах идентичности // Событие в истории, памяти и нарративах идентичности. М.: Аквилон, 2017. С. 9–17.
6. Шнирельман В. А. Травматическая память: подходы к изучению и интерпретации // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 6–28.